

В. В. РЕШЕТОВ

## О НАМАНГАНСКОМ ГОВОРЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Узбекский национальный язык объединяет представителей различных узбекских говоров, генетически связанных с теми тюркскими языками, которые сейчас выступают на территории Средней Азии и Казахстана в качестве самостоятельных национальных языков. В силу этого изучение диалектного комплекса узбекского языка сопряжено с большими трудностями, особенно в сравнительно-историческом плане, поскольку предварительное описание отдельных говоров и диалектов далеко еще не закончено. Осложняется положение и тем, что совершенно отсутствуют исследования об узбекских родо-племенных группах, вошедших в состав узбекского народа.

Изучение исторического процесса сложения узбекского народа, исследования в области народных говоров и диалектов могут быть эффективными лишь при совместных усилиях историков, этнографов и лингвистов. Только при таком изучении можно правильно осветить вопросы истории и диалектологии узбекского языка, определить его место в ряду родственных тюркских языков, проследить этапы его развития от языков родовых и племенных до языка узбекской социалистической нации, вскрывая основное назначение языка как средства общения.

В историко-лингвистическом отношении узбекский диалектный комплекс включает в себя, следуя классификации проф. С. Е. Малова<sup>1</sup>, новые и новейшие тюркские языки, составляющие две большие группы:

1) йекающие говоры с рядом типов и подтипов, относящиеся к карлукской группе тюркских языков<sup>2</sup> и

2) джекающие говоры, историко-сравнительное изучение которых приводит к особенностям кыпчакской группы тюркских языков, местами модернизированной в силу ряда социально-экономических причин.

Наибольшей пестротой отличаются йекающие говоры. Известная часть их (хивинские и некоторые другие) сохраняет ряд огузских показателей; самаркандско-бухарский тип — яркий пример исторических взаимодействий двух принципиально отличных языковых систем — узбекской (тюркской) и таджикской (иранской); наманганский говор характеризуется наличием некоторых фонетических черт и морфологических признаков, свидетельствующих о наличии уйгурских элементов.

Оставляя пока в стороне детальное выявление исторического процесса образования наманганского говора, позволим себе лишь обратить внимание на те фонетические явления и грамматические формы,

<sup>1</sup> С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 5—7.

<sup>2</sup> Н. А. Баскаков. К вопросу о классификации тюркских языков. „Известия АН СССР“, 1952, т. XI, вып. 2, стр. 128—130.

которые отсутствуют в йекающих говорах, положенных в основу литературного узбекского языка. Однако уже сейчас нельзя умолчать о некоторых обстоятельствах, которые помогают раскрыть историю формирования наманганского говора.

1. Образование города Намангана приписывают Абдулле-хану бухарскому и относят примерно к 1582 г. Первыми его поселенцами являются якобы иранцы и представители рода Ага из Кашгара<sup>1</sup>.

Если допустить, что эти показания верны, то нужно признать, что наманганский говор сложился в результате гибридизации, которая продолжалась в течение трех с половиной столетий и привела к полному исчезновению иранской речи, заменившейся современным наманганским говором. Аналогичный процесс (скрещивание двух различных языковых систем) прослеживается в различных районах Узбекистана. Этот процесс приводит к исчезновению одного из скрещивающихся языков или временно к двуязычию, как это можно видеть на примере Самарканда, Бухары, Ленинабада, Чуста и некоторых других более мелких населенных пунктов, где в практике речевого общения на равных правах выступают и узбекский и таджикский языки.

Узбекско-таджикские языковые взаимоотношения являются ярким примером, опровергающим антимарксистские утверждения Марра и его „учеников“, представлявших процесс скрещивания языков в виде единичного акта решающего удара, в результате которого будто бы происходит образование нового языка путем взрыва, путем внезапного перехода от старого качества к новому.

„Совершенно неправильно было бы думать, — говорит И. В. Сталин, — что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них“<sup>2</sup>. „... Скрещивание даёт не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и даёт ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития“<sup>3</sup>.

То же происходило и в истории формирования подавляющей части городских узбекских говоров. С учетом этих принципиальных положений может быть решена судьба каждого говора в отдельности, при этом на первый план нужно выдвинуть законы внутреннего развития языка, а не привходящие факторы, как это склонны были делать отдельные исследователи. Достаточная устойчивость звуковых и грамматических норм говора позволяет проследить внутриязыковые процессы и установить по данным языка условия возникновения говора, привлекая при этом и надежные исторические сведения.

Махмуд Кашгарский подчеркивал, что на самом чистом тюркском языке говорят те племена, которые не знают другого языка и не привыкли к посещению городов. „Чистоту тюркской речи“ он отмечает у киргизов, кыпчаков, огузов, тухси, ягма, джикиль, эграк и джарук. „У знающих два языка и посещающих города в язык проникло смягчение, как, например: *сугдак*, *кенжак* и *аргу*“<sup>4</sup>. *Сугдак* — согдийцы, население Согдианы; *кенжак* — жители Восточного Туркестана.

<sup>1</sup> Ср., напр.: И. И. Гейер. Весь Русский Туркестан. Ташкент, 1909, стр. 253.

<sup>2</sup> И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 29.

<sup>3</sup> Там же, стр. 30.

<sup>4</sup> كتاب دیوان لغات الترك (Словарь М. Кашгарского). Стамбул, 1914, стр. 29.

2. Для истории узбекского языка весьма существенной оказывается караханидская эпоха. С ней связаны особенно мощный приток тюркских племен в Мавераннахр и появление произведений, имеющих отношение к истории и диалектологии узбекского языка. Несомненный интерес представляет третий список „Кутадгу-билик“, найденный в Намангане. В связи с этим наманганские говоры нуждаются в тщательном лингвистическом обследовании, поскольку основная масса их до сих пор сохраняет значительные диалектные особенности как со стороны фонетики, так и в части отдельных морфологических образований. Напомним, что Махмуд Кашгарский отличал древнеуйгурский язык (язык памятников древнеуйгурской письменности) от „кашгарского“ языка караханидской эпохи. Последний, как известно, оказал влияние на развитие староузбекского языка до Алишера Навои.

3. Сохранение в течение веков в наманганском говоре некоторых, не свойственных прочим говорам, фонетических признаков (см. ниже) свидетельствует не о влиянии „нового уйгурского, т. е. тарачинско-кашгарского языка“<sup>1</sup>, а о наличии несомненного уйгурского элемента в составе говора, который в процессе смешения (гибридизации и метисации) оказался устойчивым и продолжает бытовать в языке вплоть до наших дней. Фонетические и морфологические особенности настолько резко выступают, что даже малоопытное ухо очень легко отличает литературную речь от диалектных особенностей наманганского говора.

## 1. НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА

Систему наманганского вокализма представляем в следующей таблице:

| Подъем                  | Переднего ряда |          | Инди́ферентные |              | Заднего ряда |          |
|-------------------------|----------------|----------|----------------|--------------|--------------|----------|
|                         | негубные       | губные   | негубные       | губные       | негубные     | губные   |
| Верхнего подъема        | ( <i>ü</i> )   | <i>ÿ</i> | <i>ʊ</i>       | ( <i>y</i> ) | ( <i>ʋ</i> ) | <i>u</i> |
| Верхне-среднего подъема | <i>e</i>       | <i>ö</i> |                | ( <i>o</i> ) |              | <i>o</i> |
| Нижне-среднего подъема  | <i>ɛ</i>       |          |                |              |              |          |
| Нижнего подъема         | <i>ä</i>       |          |                |              | <i>a</i>     | <i>ä</i> |

Вокализм наманганского говора отличается от вокализма литературного узбекского языка (resp. тех узбекских говоров, которые нормируют произношение на всей узбекской территории) наличием фонем *ÿ*, *ö* в ряду гласных переднего ряда<sup>2</sup>. Особых замечаний заслуживает звук *e*.

<sup>1</sup> Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, Ташкент, 1933, стр. 21.

<sup>2</sup> Характеристику вокализма литературного узбекского языка см.: А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 15—17; В. В. Решетов. Сове-

Несмотря на наличие контрастирующих пар по горизонтально-язычному укладу, данный говор не может считаться сингармонистическим в силу отсутствия лингвально-сингармонистических чередований в аффиксах (примеры *passim*). Что же касается губно-сингармонистических чередований, то в этом отношении наманганский говор значительно отличается от ташкентского и маргеланского, например: *йўйўрўб* 'он бегал', *қорқуттўн* 'ты испугал', *бўр қўллўй* *авқат* 'продовольствие на один день', *ойунўн* 'твоя игра', *чал сўйўнўп* 'старик обрадовавшись', *қолуну* 'его руку', *қолуга чўшўп* 'попав в его руки', *толғўзўп* *беддў* 'наполнил', *тўрўптў* 'он стоит', *тўттўм* 'я поймал', *кўрўн* 'смотрите', *оттўм* 'я проехал', *олтўрўптё* 'он сидит'.

1. Гласные верхнего подъема. Индифферентный гласный *э* мало чем отличается от соответствующего звука прочих йекающих узбекских говоров, в первую очередь от аналогичного звука ташкентского говора.

Гласный *э*, являясь результатом конвергенции *ы* и *и* (как следствие сокращения сингармонизма), в различных словарных позициях комбинаторно варьирует между передним и задним *ы* обоих своих исторических источников. Наиболее задний оттенок, акустически близкий к заднеязычному *ы*, обнаруживается в непосредственном соседстве с глубоко-заднеязычными *ж* и *ғ*, а частично и в словах с задним вокализмом вообще; ср., например: *қыш* 'зима', *манъ қўзъмъ* 'моей дочь', *қырғъзыстан* 'Киргизстан', *қылъч бъллән* *эккъ нъмтә* *қылдә* 'он мечом рассек тушу пополам', *қырғ эл* 'сорок лет', *эссығ* 'горячий', *чәқыл* 'выйдя'.

Статистически в говоре преобладает более передний вариант фонемы *э*. Встречается он даже в соседстве с заднеязычными согласными; ср., например: *бәлэқнэ* > *белэғнэ* > *бэлэхнэ* *алдук* 'мы взяли рыбу'.

В связи с общей кратностью звука *э* оглушение и редукция его отмечается в тех же позициях, что и в ташкентском, маргеланском и других йекающих говорах, например: *олдъръш* 'убийство', *амалла айъръштә* 'в проведении в жизнь', *таръхъ* 'исторический', *бър* 'один', *хаддәр* < *хардәр* 'покупатель', *йакъ* 'или', *шърклерә* *охийш* 'похожий на своих товарищей'; ср. аналогичное явление в исходе настоящего-будущего времени и в условиях Sandhi: *болә* : *дъ* 'он будет', *экәлмә* : *йдъ* 'не сеется', *шәлпайәлардә* 'рисовые поля'.

В ряде случаев отмечается чередование *е* || *э*, например: *бърәс* || *берәс* 'немного', *търэг* || *терэг* 'живой', *умэт* || *умет* 'надежда'.

Появление звука *е* вместо *э* отмечено и в соседстве с глубокозаднеязычными согласными, например: *қерқ элдән берэ* 'вот уже сорок лет', *бекэньдән* 'из бока'.

В последнем открытом слоге обнаруживаем звук типа *ё* (= „ё“ в МФА): *қалдә* 'он остался', *эккәнчә* 'второй', *йичүнчәсә* 'третий', *бърәнчә* 'первый'.

Чередование *э* || *ё* прослеживается во втором слоге: *алтўн* || *алтән* 'золото', *хатўн* || *хатән* 'женщина', *темўр* || *темър* 'железо', *бабўр* || *бабър* 'Бабур' (имя собственное)<sup>1</sup>, *ахўр* || *ахър* 'ясли, кормушка для

мелкий узбекский язык. Ташкент, 1946, стр. 3—10; В. В. Решетов. Общая характеристика особенностей узбекского вокализма. Сб. „Тил ва адабиёт институти асарлари“, Ташкент, вып. 1, стр. 15—36.

<sup>1</sup> Заметим, что в орфографии современного узбекского языка принята форма „Бобир“, غائب свидетельствует о наличии губного гласного во втором слоге.

скота'. Эти формы выступают на правах фонетических дублетов. Спорядически делабиализация у || *ü* приводит к закреплению *ъ* в различных словарных позициях: *қабъл қўллдѐ* 'он принял', *йѐрăғмдă* 'в моем сердце', *тѐрпăғ* 'земля', *йѐмалăйвердѐ* 'продолжал валять'. Это же явление прослеживается и в выражении: *ундăн кегън* > *ъндăкегън* > *ънăнкегън* > *ънăкън* 'после того'. В последнем примере отмечен максимально краткий звук *ъ*, стремящийся к нулю.

Ср. еще: *бейдă* 'здесь', *бѐйегă* 'сюда', где *бе* и *бѐ* восходят к *бу*.

В широких размерах осуществляется редукция гласных нижнего подъема, что приводит к появлению звука *ъ* во втором и последующих слогах, например: *болъдѐгън* 'будущий', *қамъгън едѐ* 'не осталось', *қал восайъм қайлъдѐ* 'она выбрала (его)', хотя он был плешивым', *душмънъ болън* 'был у него враг', *мăслъхăт* 'совет', *мăсăлсъдă* 'по вопросу', *мăслъдăн бѐттăсѐ едѐ* 'был один из вопросов', *қилăп чѐқаръш нăтъ-жъсдă болă: дѐ* 'бывает в результате производства', *ернѐ йумишътăдѐ* 'размягчает землю', *откъзъдѐ* 'проводит', *тăзълăп берă: дѐ* 'очищает', *чегърăсѐ* 'граница', *чегърлнъдѐ* 'граничит', *нъчъ (нъчѐ) пұл* 'сколько денег', *нъчъ ъл* 'сколько лет'<sup>1</sup>.

Ср. в словах: *печлърнѐ* 'печи', *механъз(м)лъшъп* 'механизировав'.

В отношении губных гласных верхнего подъема необходимо сказать следующее:

а) звуки *у* и *ü* употребляются в любой позиции в слове: *йүр* 'иди', *йүрăлăдѐ* 'сможет идти', *йүгүрүп йүддѐ* 'он бежал', *күл'рăн* 'серого цвета', *күч* 'сила', *түпрăғ* 'земля', *он күллүг йол* 'десятидневный путь', *қулай* 'удобный', *қорқуттун* 'ты испугал', *чал сыйүнүп* 'старик обрадовавшись', *қолуғă чүшүп* 'попав в руки';

б) в ряде словарных позиций, особенно в аффиксах, появляется индифферентный звук, промежуточный между *у* и *ü*: *түхүм* 'яйцо', *шүлăгă* 'этим', *толғузүп беддѐ* 'он наполнил', *түрүптү* 'он стоит', *түттүм* 'я поймал', *йүрүн* 'идёте', *көрүн* 'смотрите', *йăпүш керă* 'нужно закрыть', *келтүргăн отүнүн* 'дрова, принесенные тобою', *көтăртүрп* 'приподняв'.

Закрепление данного звука, как и индифферентного звука *о*, следует отнести за счет влияния соседних говоров, в которых звуки *ü* и *о* выступают в качестве самостоятельных фонем, и литературного узбекского языка.

Оглушение и редукция фонемы *у* и *ü* отмечаются в тех же позициях, что и в маргеланском говоре, например: *тăзүлшиѐ* 'устройство', *бăлăрдăн* 'от них', *чѐмалъ* 'муравей', *тѐрүп* 'встав'.

Обращаем внимание на появление *ü* < *a* (resp. *ü* < *â*) в соседстве с губно-губным *в*, например: *жүвăб беммăсăн* 'если ты не ответишь', *бежүвăб* 'без ответа, без разрешения'; *савүлнăгă жавүб* 'ответ на твой вопрос'. Произношение *жүвăб* ∼ *жавүб* отмечено у одного и того же лица; ср. в ташкентском говоре — *жăвăп* ∼ *жүвăп*; случай антиципации — *мүхсүлăт* < *махсүлăт* 'продукция'.

У отдельных лиц в некоторых грамматических формах наблюдается модификация звуков *у* и *ü* в сторону соответствующих гласных верхне-среднего подъема, например: *қълоттѐ* 'делает', *ăқп келоттѐ* 'подплывает', *қоддăкъ бѐр қъс йăтăптă* 'видит, что лежит одна девушка'.

<sup>1</sup> Ср. в уйгурском языке: Н. А. Баскаков. Очерк грамматики уйгурского языка. Уйгурско-русский словарь, составили Н. А. Баскаков и В. М. Насилов. М., 1939, стр. 179; А. К. Боровков. Учебник уйгурского языка. Л., 1935, стр. 8.

Однако статистически преобладающим в аффиксах является гласный верхнего, а не верхне-среднего подъема.

В слове „дом“ — лит.-орфограф. *уй*, так же как в уйгурском языке и в ташкентском говоре, находим *ö*, а не *ü* — *öйә кәргәндә* 'когда вошел в дом', *жувалдос* 'толстая игла' (для сшивания мешков), *моҳлат бер дай срок*.

2. Гласные верхне-среднего подъема. Негубная гласная фонема *e* реализуется как весьма закрытый звук типа *э*. При ее произношении рот значительно прикрыт — она столь же закрыта, как, например, ташкентское или маргеланское *e*, например: *безгәк* 'лихорадка', *еркәк* 'мужчина', *тевәсәдә* 'наверху', *келмүттә* 'он не приходит' (не идет), *ештмүттә* 'он не слышит', *астә-секән* 'медленно', *тегсәм* 'если я трону', *кенәйдә* 'расширился'.

В быстрой речи *e* чередуется с *э*, например: *мәнә х'әч тәпәлмәсүн* 'пусть он совершенно не сможет меня найти', *х'әштәмә йоқ* 'ничего нет', *әзүчәсә* 'угнетателю', *көрмәс әдә* 'он не видел', *дәп буйүрдә* 'он приказал', *бәр-әдә* 'был', *кал-әдә* 'был плешивым', *дәйдә* 'он говорит'.

В некоторых грамматических формах *e* то выпадает в произношении (*мәнә түшкән-мәс* 'мне не попадался'), то сохраняется (ср.: *чекәнәш емәс едә* 'было не отступление'), а часто переходит в *ә* (см. ниже).

Укажем и на случаи лабиализации *e*: *дәб әдәм* > *дә:дәм* 'я говорю', *нүчү*: < *нүчүк* || лит.-орфограф. *нечик* 'как'.

Губные фонемы *o* и *ö* в основах сохранены в говоре в своем прежнем интактном виде, например: *кәп хәпә волдә* 'сильно обиделся', *көзү* 'его глаза', *көрәнүр* 'показывается, виднеется', *х'өкүз* 'бык', *өсүмләк* 'растение', *бәлә* 'другой', *өттүм* 'я пришел', *чөлмә-чөл* 'степями', *охиған* 'похожий', *өрмән* 'лес'.

Процесс конвергенции *ö* × *o* в звуке *ö* прослеживается в говоре. Однако еще нет достаточных оснований относить *ö* к принципиально отличным звукотипам и рассматривать контрастирующую пару *ö* и *o* как его комбинаторно-позиционные варианты.

3. Гласный ниже-среднего подъема *e* реализуется как звук промежуточный между *e* и *ә* и является характерным для наманганского говора.

Звук *e*, являясь специфической принадлежностью наманганского говора, появляется на месте *ә/a* в различных словарных позициях, например: *әсәсә: безгәпә мәнә шу* 'вот основная задача', *сәнерә* 'подобный', *келәт* 'ключ', *беләк* > *беләх* 'рыба', *беләкчәләк* > *беләхчәләк* 'рыболовство', *гәпәрән* 'говорите', *нәмәсә* 'что', *әсәлә* 'его мед', *ерәл* 'р' 'осы' (но *әсәл* *ерәләр* 'пчелы'), *душмәнә* 'его враг', *нәзәрәйәсә* 'его теория', *х'әмәт етедә* 'служит', *бәлә: дә* 'будет', *кәчүшә: дә* 'убегают', *әпкелә: дә* 'принесет', *таркәтә: дә* 'он распространит', *көрсетә: дә* 'он покажет'.

Ср. еще: *көрмә: йдә-дә* 'не видит и...', *шу-дә* 'этот же'.

Факультативно-спорадически звук *e* встречается и в других узбекских говорах, например в ташк.: *бәрәдә-дә...* 'ходил и...', *әлдә-дә...* 'он взял и...'; в маргеланском: *әшләмәйдә* 'он не работает'; в говоре кышлага Вуадиль, джекающих (кураминских): *қолун жаман кәседү* 'сильно порежет твою руку'.

4. Гласные нижнего подъема *ә, a* и *ä* по своим физиологическим качествам не отличаются от произношения соответствующих гласных звуков маргеланского говора. Частота употребления их по говорам различна в силу специфических особенностей каждого говора.

Так, например, звук *a* в наманганском говоре встречается гораздо чаще, чем в маргеланском, поскольку в последнем употребление его ограничено позицией смежности с глубокозаднеязычными согласными<sup>1</sup>. Звук же *ä* в маргеланском говоре употребляется значительно чаще, чем в наманганском, так как в определенных словарных позициях наманганское *ä* (resp. *a*) реализуется в виде *e*, и, наконец, частота употребления звуков *a* и *ä* в ташкентском говоре превосходит частоту употребления данных звуков в наманганском и маргеланском говорах.

Гласные *ä*, *a*, *ä* в наманганском говоре встречаются в любом слове и в различных звуко сочетаниях.

Примеры на *ä*: *käsäl* 'больной', *käsälläy*:dž 'заразит', *kättä* 'большой' (отмечен и ташкентский вариант в виде *kättä*), *mām-berämān* 'я дам', *māmākāt* 'государство', *sävz* 'морковь', *čikār* 'внутри', *nätgnjäsčä* 'в результате', *ħarqanday* 'каждый', *äħälč* 'население', *šäräwt* 'условие', *mäläp* 'требование', *sävātka* 'в корзину', *äär juväb* *be mmäsän*... 'если ты не ответишь...'

В некоторых словосочетаниях и грамматических формах находим *ä* < *ъ* или *ä* < *e*: *onäkъ äy* 'двенадцать месяцев', *onäkъnčъ* *äl* 'двенадцатый год', *tekkän-ämäs* 'он не попал', *bo mäsäkän* < *bol mäs ekän* 'он, оказывается, не будет'.

Ср. еще случаи *ä* < *ъ* в следующих словах: *jäħättän* 'со стороны', *täbäytän* 'природу', *mänäpes* < *манифест*.

К исключениям, которым затруднительно в пределах определенной, тесно локализованной группы говоров дать удовлетворительную мотивировку, относятся случаи, где вместо ожидаемого *a* находим *ä* при наличии в слове глубокозаднеязычных согласных, например: *häbär* *bedä* 'оповестил', *mäxsät* < *mäxsät* 'цель', *kämbägalä* 'бедняку'<sup>2</sup>.

Примеры на *a*: *vaht* < *vaht* 'время' || ташк. *väht* < *väht*, *qarğa* 'ворона', *farb* 'запад', *näquлай* 'неудобный', *qarap ol türiptü* 'смотрит', *iaqznläšiträde* 'приближает', *čaqčrä*:dž 'он зовет', *galäba* 'победа', *saqlap qälš* 'сохранение', *qäytädän* 'заново', *ävqat* 'пища'.

Смягчающее действие на *a* оказывает *й*: *йäräqčs* 'ненужный', *йärm* 'половина', *йäšä*:*йдž* 'он живет', *йäällär* 'женщины', *тәййәрләп* 'приготовив'. Сюда же следует отнести *a* > *ä* в основе *äyt* 'скажи', *ätmäšän*... 'если ты не скажешь...'<sup>3</sup>

Однако в слове *жәй* 'место' статически преобладающим оказывается *ä*, а не *ä*, хотя последний и стоит перед *й*, например: *жәйләштерш* 'размещение'. Насколько верным оказывается вариант *жәйләр* 'места' — сказать трудно.

Ср. случай редукции: *йеланғ'ач* 'голый'.

Примеры на *ä*: *čäl ättäč*... 'старик сказал, что...', *šämäl* 'ветер', *sänz dädän iämän pčkr qälde* 'твой отец дурно подумал', *ädämläga* 'людям', *äzäp čekkämman* 'я мучился', *äv qälädägn kšälä* 'люди, которые охотятся', *öyüga älbärdä* 'он повел к себе домой', *ävvälä* 'сначала', *älän häläs* 'взял и только', *sämänxanäy kčröp* 'войдя в сеник', *tämännän* 'со стороны', *äzmäz* 'немного', *bäħär* 'весна', *äräl*

<sup>1</sup> В. В. Решетов. Маргеланский говор узбекского языка. „Изв. УзФАН СССР“, Ташкент, 1941, № 3, стр. 34.

<sup>2</sup> См. Н. К. Дмитриев. Фонетика „карамалицкого“ языка в связи с другими османскими диалектами. „Записки Коллегии востоковедов“, т. III, вып. 2, Л., 1928, стр. 437.

<sup>3</sup> Ср. влияние *p* на *a* > *ä* в слове *äpäläš* 'смесь'.

‘остров’, *чървачълък* ‘скотоводство’, *адаш* ‘конец’, *а́трапкă қарап* ‘смотря по сторонам’, *деҳанчълък* ‘сельское хозяйство’, *ба́тқағлък* ‘болотистое место’, *қағаз* ‘бумага’, *дава́л* (у отдельных лиц *дава́л*) ‘стена, забор’, *пахса́дава́л* ‘глинобитная стена’.

Звук *а* сохраняется и в сочетании с *й* (без изменения его в *я*): *йа́ткән* ‘он лежал’, *айа́к* ‘нога’, *йа́мғур* ‘дождь’, *йа́ғач* ‘дерево’, *шайа́* ‘шелк’.

Помимо влияния *й* на переход *а > а́ > я́*, можно назвать и другую, уже не чисто фонетическую, а морфологическую, причину появления *я́* в первом слоге: в двусложных производных глаголах с вокализмом *а...а* (т. е. содержащих *а* в обоих слогах) оба *а* меняются на *я́*, например: *та́ш* ‘камень’, но *та́шля* ‘бросай’, *та́шляндъ* ‘отбросы’; *са́н* ‘число’, но *са́нйя́* ‘считай’. Аналогичное явление в одинаковой степени прослеживается и в ташкентском говоре; ср. еще ташк. *а́з < аз* ‘мало’, но *а́згя́* ‘немножко’, андижанск. *а́л* ‘возьми’, но *а́лйя́* ‘возьмите’. Ташкентские дубликаты интересны в том отношении, что они подтверждают факт участия количественного момента (относительной длительности ∞ кратности) в дивергенции *а > а́/я́*.

Из прочих особенностей следует указать на возможность значительной лабиализации *а́*, что приводит к появлению звука типа *о* (resp. *о́*): *това́м йоқ* ‘мне нездоровится’, *това́к* ‘блюдо’, *ҳ у́зла(р)да́* ‘в прудах’, *аху́рнъ тча́да йоты́птъ* ‘он лежит в кормушке для скота’, *ҳозы́р жува́б бер* ‘сейчас отвечай’.

Ср. в Вуадыле: *совъз* ‘морковь’, *бровдыкъ* ‘чей-то’<sup>1</sup>.

Наманганский говор, наряду с основной массой прочих йекающих говоров узбекского языка (кроме хорезмского, икано-карабулакского), оказывается совершенно непоказательным в историко-фонетическом отношении для восстановления типично тюркских долгот гласных, которые продолжают сохраняться в якутском, туркменском языках и в упомянутых говорах узбекского языка. Имеющиеся же долготы в наманганском говоре находят себе объяснение в заместительном удлинении при падении смежных с гласными согласных звуков.

Вторичные (заместительные) долготы появляются в результате падения:

1) *р*: *ба́*: < *ба́р* ‘есть’, *ба́*: *восун* ‘пусть будет’. Ср. в уйгурском *қа*: < *қар* ‘снег’, *а*: *па* < *арпа* ‘ячмень’;

2) *қ/к*: *са́тамән бу санду :нъ* ‘продам этот сундук’, *ора :нъ ичъ* ‘концом серпа’, *керя́*: *йоқ* ‘не нужно’, *керя́*: *деса́* ‘если скажет — нужно’, *сийя́*: *ла́рән* ‘твои кости’, *йо*: *оййа́ келде́* ‘нет, он пришел домой’, *еша́*: *да́к* ‘как ишак’, *та́ттъ :ла́нъ* (< *та́ртъқла́нъ*) ‘подарки’, *ҳа́р нучу́*: *болса́йа́м* ‘как бы там ни было’;

3) *в*: *су :вса́* ‘если он выпьет воды’;

4) *ҳ*: *о́з ша́ :а́рэмъ* ‘свой город’, *ха :ла́сэм* ‘если я пожелаю’, *гуна́*: ‘грех’;

5) *ғ*: *о :лу́ғъзъ ка́спъ нэ́мъ?* ‘чем занимается ваш сын?’, *па́дачънъ о :ла́ ба́р едъ* ‘у пастуха был сын’, *қол ба́ :ла́п* ‘связав руки’;

6) *н*: *ба́ла-чақа :нъ а́лп кел* ‘приведи своих ребятишек’, *чи́шү :нъ та́ :бэ́рәнъ а́ссэм* ‘если я растолкую тебе твой сон’. Ср. еще: *ма́нйя́*

<sup>1</sup> كى. يوداخيڭ واناڭ قىشلاغى لىھجە سى ھا قىندا بىر نىچە سوز «مە عارف وَا»  
стр. 50, № 7, «نوقۇتوغۇچى»

келтўрў:нā 'приведите ко мне', йўрў:нā қъзлā 'идемте, девушки', бърар нāсā (< нāрсā) берсā:нā мāнā 'дайте мне что-нибудь';

7) айна (ε) и хамзы: тā:бър 'истолкование, объяснение', ма:қул 'подходящий, хорошо, ладно', тā:зъм қълп олтўддъ 'выказывал почтение', йā:нъ 'то есть';

8) в < бе: йāту: дѣ < йāтвдѣ < йāтѣб едѣ 'он лежал', дō: дѣм < дōвдѣм < деб едѣм 'я сказал', йўрў: дѣ < йўрўвдѣ < йурўб едѣ 'он ходил', о: лъ мāl бāқѣб йўрў: дѣ 'сын его пас скот'.

Следует особо упомянуть о фонетической ультрадолготе (resp. эмфатическом удлинении), возникающей в формах настоящего-будущего времени и имеющей особую интонационную окраску, что позволяет отличить наманганское произношение указанной формы от произношения ее в прочих узбекских говорах. При этом появление фонетической ультрадолготы не связано с падением звуков или целых комплексов, как при возникновении стяженных форм типа дō: дѣм; она возникает в связи с особой фразовой мелодией. Модуляции голосового тона в наманганском говоре осуществляются в широких пределах, например: мām бълмā: ймāн 'я не знаю', йўрā āлā: дѣ 'он сможет ходить', ышлāтā: дѣ 'он употребляет, применяет', дѣп болмā: йдѣ 'нельзя сказать'.

В данных примерах наблюдается отлого восходящая интонация с крутым падением на конечном слоге. Интонационное движение графически можно передать следующим образом:

кōпā:: йдѣ 'увеличилось', кѣра:: дѣ 'он войдет', сāнā сātмā:: йдѣ 'он тебе не продаст', келе:: дѣ 'он приедет', āйтā:: дѣ 'он скажет', жōрсātā:: дѣ 'он покажет'.

Необходимо указать и на произношение типа: кѣрāдѣ: 'он войдет', қāмадѣ: 'не осталось', — которое, однако, не характерно в данном случае.

Ср. еще ташкентское произношение ко:: п-йāхшъ 'очень хорошо', бā:: р-ендѣ 'иди же', или произношение гласных при окликах — когда зовут кого-либо с более или менее далекого расстояния. В последнем случае выработалась особая стереотипная формация, обладающая вполне специфической мелодической характеристикой, например: турсун е:: й турсун или турсун-у::.

Вопрос о продолжительности гласных уже затрагивался исследователями, но все выводы, сделанные на основании сугубо субъективного слуха одного исследователя, нуждаются, конечно, в тщательной проверке с помощью звукозаписывающих приборов<sup>1</sup>.

Система наманганского консонантизма состоит из:

- а) губных — п, б, в, м;
- б) переднеязычных — т, д, с, з, ч, ш, ж, н, л, р;
- в) среднеязычного — й;
- г) заднеязычных — к (х'), ɢ (ɢ'), ɳ, х, қ, ғ (ғ');  
д) гортанного — х.

Из перечисленных согласных считаем необходимым обратить внимание на следующие:

<sup>1</sup> П. Е. Кузнецов. Продолжительность гласных в живом узбекском языке, „В. В. Бартольд“. Ташкент, 1925, стр. 430.

1) Согласный *в* в начале слова реализуется как звук промежуточный между билабиальным *в* и губно-зубным *в*. Создается какой-то неясный звук, в котором трудно провести грань между губно-губным и губно-зубным звуком. Начальный звук *в* можно было бы назвать унилабиальным. В середине и конце слова этот звук явно тяготеет к билабиальным звукам.

Выпадение звука *в* вызывает удлинение гласного; ср., например: *сүв* > *сү*: 'вода', но с аффиксом принадлежности — *сүйүн* 'его воду', где *в* > *й*; ср. еще: *йүвляде* > *йүйляде* 'моется', *йүвнадё* > *йүйнадё* 'умывается'.

2) Звук *ф* отсутствует в говоре — он возмещается фонемой *п*: *пәнәмъз* 'для нашей науки', *дәптәр* 'тетрадь', *шу пәкәрнә* 'эти мысли', *йәнәгъ хәптәсгә* 'на следующей неделе', *манәпес* 'манифест'.

В индивидуальном произношении звук *ф* (как в старом словарном пласте, так и в советско-интернациональной лексике) реализуется как взрывной звук с последующим придыханием, т. е. в виде среднего звука между *п* и *ф* с явным участием губ.

3) Переднеязычные *ш*, *л*, *р* производят впечатление палатализованных звуков; ср., например: *охи'аи* 'похожий', *әл'әп* 'взяв', *әл'әи* 'взятие', *бел'әхләр* 'рыбы', *бер'* 'дай'.

Особо следует выделить *р*. Реализуется он в виде переднеязычного дрожащего согласного. В индивидуальном произношении встречается картавое *р*, но это качество *р* мы оставляем неотмеченным. Очень неустойчивый звук, часто выпадает в произношении или подвергается ассимиляции. Отмечены случаи перехода *р* > *й*: *йопәрәмдә олтурған* 'сидевший против меня' (ср. в ташк. *ромал* || *йомал* 'платок'), *р* > *в*: *дүвдәгәрғә йус тәйә берәп* 'дав столяру сто танга'.

4) Согласный *ғ* спорадически реализуется как взрывной звук, обозначаемый нами через *ғ'* — смычный глубокозаднеязычный согласный звук, комбинаторно возникающий из *ғ* в позиции после носового, например: *қарғ'әдә* 'в темноте', *тойғ'уздәй* 'как свинья'.

5) Звук *х* — глухой, проточный. Часто возмещается звуком, промежуточным между *х* и *х'*, приближающимся к русскому палатализованному *х'*.

Звук *х* выпадает в произношении или переходит в *й*; ср., например: *сәләйәйм* 'и вам', *болсәйәйм* 'хотя и будет', *мунйәйм* 'и это'.

1. Различные изменения согласных:

1) *қ* > *х* — *чәхмәй* 'не выходя', *қохмастән* 'не боясь', *халхнә эчәдә* 'в народе', *қәрх* 'сорок', *әхсәқәл* 'староста', *вахт* 'время', *мәхсәт* 'цель';

2) *к* > *х'* — *мәх'тәп* 'школа', *к'х'рағ* 'грудь', *йүх'ләп* 'нагрузив', *еркәх'* 'мужчина', *әтәл'әх'* 'шефство';

3) *к* > *й* — *йәхшәлэй мәнәм* 'по-хорошему', *беядәпләйнә* 'неучтивость, невоспитанность';

4) *г* > *й* — *хат қолуғә тейдә* 'письмо попало ему в руки';

5) *б* > *в* — *үстүвәшнә чечәп* 'сняв одежду', *товәм йоқ* 'мне нездоровится', *вәсә* < *бәсә* 'если будет', *қәвлә* 'сторона' (куда обращаются мусульмане лицом во время молитвы);

6) *п* > *в* — *тевәсгә* 'на верх';

7) *ж* > *й* — *мәйләс* 'собрание';

8) *н* > *й* — *коққанйәнән* 'оттого, что ты испугался', *қәзәйнә* 'твою дочь', *бетәйнә* 'твое лицо', *хәзмәтәйдә* 'на твоей службе';

9) *х* > *қ* — *дараққә* 'на дерево', *масқара қәләп* 'насмехаясь';

- 10)  $\dot{y} > i$  — *кегън* 'затем, потом';  
 11)  $n > \dot{n}$  — *сѣнѣ* *беддѣм* 'я дал тебе', *он кѣлѣгъ йол* 'десятидневный путь', *кѣнѣ* 'в день', *отѣнѣ* 'за дровами';  
 12)  $n > m$  — *қачкѣм-болсѣ* 'если он убежал', *ом-беш кѣн* 'пятнадцать дней', *хѣйрѣм-болсѣ* 'удивившись', *мѣм-берѣман* 'я дам';  
 13)  $\dot{l} \parallel n$  — *авѣа чѣқайнѣгъ* 'выйдемте-ка на охоту' (ср. в ташк. *берѣй-нук* 'дадимте-ка');  
 14)  $m \parallel \dot{c}$  — *чѣш кѣрдѣм* 'я видел сон', *чѣшѣдѣ* 'во сне', *чѣшѣптѣ* 'он сошел, он слез' (ср. в ташк. *тѣш*  $\parallel$  *чѣш* 'сойди'), *қолугѣ чѣшѣп* 'попав в его руки', *чѣссѣ* 'если сойдет';  
 15)  $s \parallel \dot{c}$  — *чѣчқан* 'мышь';  
 16)  $p \parallel l$  — *дѣвѣл* (спорадически *дѣвѣл*) 'стена';  
 17)  $s \parallel \dot{w}$  — *шупургѣ* 'веник'.

2. Наманганский говор отличается большим количеством комбинаторных и факультативных изменений согласных звуков, возникающих главным образом с целью экономии произносительной энергии. Эти изменения приводят прежде всего к появлению ассимилированных и стяженных форм.

1) Прогрессивная ассимиляция: *бѣз + нѣ > бѣзѣ* 'нас', *кѣр + нѣ > кѣррѣ* 'грязное белье', *шѣ : ѣр + нѣ > шѣ : ѣррѣ* 'город', *қуш + нѣ > қушишѣ* 'птицу', *қѣзѣм + нѣ > қѣзѣммѣ* 'мою дочь', *йѣп + нѣ > йѣппѣ* 'разговор', *муш(т) + нѣ > мушишѣ* 'кулак', *хѣммѣмѣз + нѣ > хѣммѣмѣзѣ* 'всех нас', *жувѣп + нѣ > жувѣппѣ* 'ответ', *мѣмлѣкѣт + нѣ > мѣмлѣкѣттѣ* 'государство', *жѣйѣмѣ + нѣ > жѣйѣммѣ* 'мое место', *тѣш + нѣ > тѣшишѣ* 'камень'.

Ср. еще лит.-орфограф. *хѣч нима* 'ничего'  $\parallel$  наманг. *хѣч тѣмѣ > хѣштѣмѣ > ѣштѣма*.

Интересна наманганская форма повелительного наклонения 2-го лица: *келтѣрѣ : нѣ* 'приведите', *йѣрѣ : нѣ* 'идемте'. Эти формы соответствуют лит.-орфограф. *келтиринглар*, *юринглар*, в которых в наманганском говоре произошло уподобление бокового л носовому, а затем  $n \dot{y} > \dot{y}$ , что подтверждается дублетом *келтѣрѣйнѣ*; выпадение же  $\dot{y}$  привело к удлинению гласного звука.

2) Регрессивная ассимиляция (наибольший процент ассимилированных форм падает на основы, содержащие в себе  $r$ ): *бердѣ > беддѣ* 'он дал', *турдѣ > туддѣ* 'он стоял', *бермасѣ > беммаса* 'если он не даст', *харѣдѣр > хаддѣр* 'покупатель', *йѣрдѣ > йѣддѣ* 'он шел', *кекѣрдѣк > кекѣттѣк* 'кадык', *бѣрлѣ > бѣллѣ* 'вместе', *берсѣ > бессѣ* 'если он даст', *бурнѣнѣ > буннѣнѣ* 'нос', *мѣртѣ > мѣттѣ* 'раз' (*бѣр мѣттѣ* 'один раз'), *қарнѣ > қаннѣ* 'желудок', *чақѣрдѣ > чақѣддѣ* 'позвал', *тѣрнақлѣ > тѣнналѣ* 'ногти', *орнѣм > оннѣм* 'мое место', *бѣрнѣмѣ > бѣннѣмѣ* 'что-нибудь', *олтѣрдѣ > олтѣддѣ* 'он сел', *ѣстѣлѣрнѣ > ѣстѣлѣннѣ* 'мастеров', *буйурдѣ > буйуддѣ* 'он приказал', *чѣшѣ > чѣссѣ* 'если он сойдет', *ѣсѣ > ѣссѣ* 'если он выпьет', *мѣхкѣм > мѣккѣм* 'крепкий', *йѣқѣнлѣштѣ > йѣқѣлѣштѣ* 'он приблизился', *келѣсѣнмѣ > келѣсѣммѣ* 'придешь ли ты', *замѣнлѣрнѣ — замѣлѣрнѣ* 'времена', *хѣтѣнлѣккѣ > хѣтѣлѣккѣ* 'в жены', *ѣтлѣс > ѣллѣс* 'атлас', *ѣ(й)тсѣм > ѣссѣм* 'если я скажу', *қѣчтѣ > қѣштѣ* 'он убежал', *ѣч-тѣр > ѣш-тѣр* 'три-четыре'.

3. Озвончение согласных: *қѣрқ > қѣрғ* 'сорок', *йѣқ > йѣғ* 'нет', *сѣйѣк > сѣйѣг* 'кость', *ѣйнѣк > ѣйнѣг* 'стекло', *тѣшкѣллѣк > тѣшкѣллѣг* 'ташкенец', *тѣрѣк > тѣргѣ* 'живой', *қѣлмақ > қѣлмағ* 'делать', *бѣр кѣллѣк > бѣр кѣллѣг* 'однодневный', *бѣлѣк > бѣлѣг* 'другой'.

4. При падении согласных происходит либо удлинение смежного с ним гласного, либо согласный исчезает бесследно, например: *боса* < *болса* 'если он будет', *кемуттё* < *келмуттё* 'он не придет', *ғыш* 'камень', *тўрийўз* < *тўрт йўз* 'четыре', *а́лббардъ* < *а́лб бардъ* 'он вел', *бёр на́сә* < *бёр на́рсә* 'что-нибудь', *да́стахан* < *да́стәрхан* 'скартерть', *құхтә* < *құрқұтә* 'сорок', *а́лғы* < *х́алғы* 'тот, упомянутый'.

Выпадает начальное й в слове *ыл* 'год', однако комплекс *йъ* в слове *йўйдё* 'он кушает' сохраняется. Особо подчеркивает выпадение й в основе *айт* 'скажи': *айттькъ*... 'он сказал, что...', *айтмәсәйн* 'если ты не скажешь'.

Примеры на выпадение гласных и согласных: *бейдә* < *бу йердә* 'здесь', *бўйегә* < *бу йергә* 'сюда', *бақта* < *бу йақта* 'здесь', *әнәнкегән* < *ундән кейән* 'после этого'.

## II. НЕКОТОРЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА

1. Показателем множественного числа (морфологический способ образования числа) выступает аффикс *-лә* < *-лар*: *ба́залла* 'базары' (рынки), *қы́шлақла* 'кышлаки' (сёла), *а́дамла* 'люди', *ха́тәлла* 'женщины', *қызла* 'девушки', *та́тту:ла́нъ* 'подарки', *та́ннала* 'ногти', *қылдәла* 'они сделали', *қылсәла* 'если они сделают'.

Значительно реже встречается аффикс *-лар* (т. е. с исходным согласным *р*); ср., например: *жайла́дән* 'с мест' и *жайла́ншиларё* 'их размещение'. Во втором случае исходный аффиксальный согласный сохраняется потому, что за ним следует аффикс принадлежности *ё*. Впрочем, возможно и независимое употребление *-лар*: *белъқлар* > *белъла́р* 'рыбы', *хўйла́рдә* 'в бассейнах', *байла́кләрдән* 'из богатств', *ерла́р* 'осы'.

Ср. другие фонетические варианты: *печла́рнъ* 'печи', *шә́рәклергә* 'товарищам'.

В значении множественного числа употребляется форма *келшиттё*: *а́дамла келшиттё* 'люди пришли'; но *дәда́м келдәла* 'мой отец пришел'.

В морфологическом отношении интересна форма с аффиксом множественного числа от личного местоимения *сәз* 'вы': *сәла* > *сла*, встречающаяся и в других говорах узбекского языка и в некоторых тюркских языках. Здесь от основного лексического элемента сохраняется только начальный согласный *с* — *сла́ййәм* 'и вам'.

2. Аффиксы принадлежности сохраняют индифферентный дублет, например: *қу́зәм* 'моя дочь', *кәта́бән* 'твоя книга' и т. п.; *ко́зү* 'его глаза', *оту́нүң* 'твои дрова', *қолү* 'его рука', *ойү* 'его дом'.

3. Наманганский говор, как и основная масса прочих йекающих говоров, не знает родительного (определятельного) падежа с аффиксом *-нән*. В нем есть один сложный по своим функциям родительно-винительный падеж, с единым признаком (формантом *-нә*)<sup>1</sup>, например:

1) родительный падеж: *да́рийән орта́сдә* 'по середине реки', *ма́нъ ышәм* 'моя работа', *са́нъ қу́зәйнә* 'твою дочь', *ма́нъ қу́зәммә* 'мою дочь', *ора:нә йүчә* 'конец серпа', *па́дәчәнә о:лә* 'сын пастуха';

<sup>1</sup> См. В. В. Решетов. Об одном узбекском падеже. „Тюркологический сборник“, вып. 1. М.—Л., 1951, стр. 176—183; ср. в кумыкском языке: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 55—56.

2) винительный падеж: *отун(нъ) келтъръ:нъ* 'принесите дрова', *ора:нъ сѣттѣ* 'продал серп', *қараѡлланъ коддѣ* 'увидел сторожей', *хаттѣ жѡнѣттѣ* 'отправил письмо'.

Ср. губной вариант аффикса — *қолуну* 'его руку'.

Наряду с аффиксальным *н* находим и полную прогрессивную ассимиляцию начального согласного аффикса, например: *ѣттѣ бѣшѣ* 'голова лошади', *тѣллѣ бѣргѣ* 'листья тальника', *қыззѣ қѣтѣбѣ* 'книга девочки'.

4. Дательно-направительный и местный падежи строго разграничиваются.

5. В исходном падеже, наряду с аффиксом *-дѣн*, факультативно-спорадически находим и архаичный вариант аффикса с гласным верхнего подъема *-дѣн*: *кеткѣдѣн соѣн* 'после того, как ушел', *бѣдѣн ешѣкѣ чѣқмѣй* 'не выходя из дома'.

6. Интересно отметить наращение двух падежных аффиксов: *јуссѣм-дѣнѣ ѣдѣм* 'купил по три рубля'<sup>1</sup>.

7. При числительных штучных к 7 и 8 иногда прибавляется слово *қур*: *бѣттѣ* 'один', *ѣктѣ* 'два', *јштѣ* 'три', *тѣттѣ* 'четыре', *бешѣ* 'пять', *ѣлтѣтѣ* 'шесть', *еттѣ қур* 'семь', *сѣкѣс қур* 'восемь'<sup>2</sup>.

8. Числительные собирательные: *ѣкѣлѣсѣ* 'двое', *јчѣлѣсѣ* 'трое', *тѣртѣлѣсѣ* 'четверо', *бешѣлѣсѣ* 'пятеро'.

9. Личные местоимения: *мѣн* 'я', *сѣн* 'ты', *у* 'он'; *бѣ(е)з* 'мы', *сѣз* 'вы', *јлѣ* 'они'. В родительно-винительном падеже в местоимениях *мѣн* и *сѣн* гласный *ѣ* явно тяготеет в сторону *е*: *мѣн* — *менѣ*, *сѣн* — *сенѣ*.

10. Указательные местоимения *ошѣ* и *јшѣ* 'тот'. В сочетании с предметом употребляется *ошѣ* — *ошѣ қѣтѣл* 'та книга', а в изоляции — *јшѣ*: *јшѣнѣ ѣпкѣл* 'то принеси'.

11. В форме настоящего-будущего времени обращает на себя внимание интонация:

### Положительная форма

*ѣшлѣ::ѣмѣн* 'я работаю', *ѣшлѣ::ѣсѣн* 'ты работаешь', *ѣшлѣ::ѣдѣ* 'он работает'.

### Отрицательная форма

*ѣшлѣмѣ::ѣмѣн* 'я не работаю', *ѣшлѣмѣ::ѣсѣн* 'ты не работаешь', *ѣшлѣмѣ::ѣдѣ* 'он не работает'.

12. Формы настоящего времени данного момента (Progressivi — лит.-орфограф. *борапман* || ташк. *бѣрѣѣмѣн*):

### Положительная форма

Ед. ч.: *кѣрѣттѣмѣн* 'я вижу', *кѣрѣссѣн*, *кѣрѣттѣ*; мн. ч.: *кѣрѣттѣмѣз* 'мы видим', *кѣрѣссѣлѣ*, *кѣрѣшѣттѣ*.

Ед. ч.: *қѣлѣттѣмѣн* 'я делаю', *қѣлѣссѣн*, *қѣлѣттѣ*; мн. ч.: *қѣлѣттѣмѣз* 'мы делаем', *қѣлѣссѣлѣ*, *қѣлѣшѣттѣ*.

<sup>1</sup> Ср. в ташк. говоре *котѣрѣсѣдѣнѣѣ* (*котѣрѣсѣдѣнѣ*) *нечѣл берѣсан?* 'Что стоит оптом?'

<sup>2</sup> *Қур-мѣртѣ* 'раз'; ср. *тѣлқур* || лит.-орфограф. *топқир*.

## Отрицательная форма

Ед. ч.: *кормуттэмън* 'я не вижу', *кормуссән*, *кормуттэ*; мн. ч.: *кормуттэмъз* 'мы не видим', *кормуссәлә*, *корүшмүттэ*.

Ед. ч.: *қь(л)мүттэмън* 'я не делаю', *қь(л)мүссән*, *қь(л)мүттэ*; мн. ч.: *қь(л)мүттэмъз* 'мы не делаем', *қь(л)мүссәлә*, *қьлэшмүттэ*.

Основа на гласный звук — *шлă*:

Ед. ч.: *шлүттэмън* 'я работаю', *шлүссән*, *шлүттэ*; мн. ч.: *шлүттэмъз* 'мы работаем', *шлүссәлә*, *шлăшүттэ*.

13. Форма прошедшего определенного (лит.-орфограф. *күрдим*):

Ед. ч.: *көрдүм* 'я видел', *көрдү*, *көрдэ*; мн. ч.: *көрдүк* 'мы видели', *көрдәнлә*, *үлә көрүштэ*.

Ед. ч.: *қьлдэм* 'я делал', *қьлдән*, *қьлдэ*; мн. ч.: *қьлдүк* (-дэк) 'мы делали', *қьлдәнлә*, *қьлэштэ*.

14. Форма первого прошедшего повествовательного (лит.-орфограф. *ишлаган эдим*):

Ед. ч.: *шлăгандэм* 'я работал', *шлăгандән*, *шлү: дэ*; мн. ч.: *шлăгән едэк* 'мы работали', *шлăгән эдәнә*, *үлә шлăшкандэ*.

15. Форма второго прошедшего повествовательного (лит.-орфограф. *ишлапман*):

Ед. ч.: *шлăммән* 'я работал', *шлăпсән*, *шлăптэ*; мн. ч.: *шлăпмъз* 'мы работали', *шлăпсәлә*, *шлăшпптэ*.

16. Форма третьего прошедшего повествовательного (лит.-орфограф. *бориб эдим*):

Ед. ч.: *барү: дэм* 'я ходил', *барү: дән*, *барү: дэ*; мн. ч.: *барү: дүк* (-дэк) 'мы ходили', *барү: дәнлә*, *барүшү: дэ* (или *барүшкандэ*).

17. Будущее предположительное (лит.-орфограф. *келармиз*):

## Положительная форма

Ед. ч.: *келärmән* 'я приду', *келäрсән*, *келär*; мн. ч.: *келärmъз* 'мы придем', *келäрсәлә*, *үлә келär* (или *келшäр*).

## Отрицательная форма

Ед. ч.: *келмăсмән* 'я не приду', *келмăссән*, *келмăс*; мн. ч.: *келмăсмъз* 'мы не придем', *келмăссәлә*, *үлә келмăс* (или *келшмăс*).

18. Повелительно-желательная форма:

Ед. ч.: 1-е лицо — *барăй* 'пойду-ка я', *келăй* 'приду-ка я'; 2-е лицо — *бар*, *баргән* 'иди', *кел*, *келгән* 'приди', 3-е лицо — *барсүн* 'пусть идет', *ке(л)сүн* 'пусть придет'.

Мн. ч.: 1-е лицо — *барăйлүк* 'пойдемте-ка мы', *келăйлүк* 'придемте-ка мы' (факультативно спорадически *-нүк: чөқăйнүк* или *чөқөп кетăнүк* 'выйдемте-ка мы'); 2-е лицо — *баргән* 'идите', *келгән* 'приходите' (ср. *көрүн* 'смотрите'); *барг: нă* 'идите', *келг: нă* 'приходите' (ср. *йүрү: нă* 'идемте', *келтүрү: нă* 'принесите'); 3-е лицо — *барсүнлә* 'пусть они идут', *ке(л)сүнлә* 'пусть они придут'.

19. Условная форма настоящего-будущего времени (лит.-орфограф. *борсам*):

Ед. ч.: *барсăм* 'если я пойду', *барсән*, *барсă*; мн. ч.: *барсăк* 'если мы пойдем', *барсă: нă*, *үлә барсă* (или *баршисă > барссă*).

20. Условно-сослагательная форма (лит.-орфограф. *ишлăсăм эди*):

Ед. ч.: *џилъсѣмдѣ* 'если я работал', *џилъсѣндѣ*, *џилъсѣ* едѣ; мн. ч.: *џилъсѣк едѣ* 'если мы работали', *слѣ џилъсѣ:нѣ:дѣ*, *џлѣ џилъсѣ:дѣ*.

21. Причастие настоящего-будущего времени (лит.-орфограф. *бора-диган*) в наманганском говоре имеет формант *-дѣгѣн:џрѣдѣгѣн* 'бьющий', *кѣлѣдѣгѣн* 'делающий', *ѣлѣдѣгѣн* 'берущий', *ѣѣдѣгѣн* 'пишущий'.

22. Причастие настоящего времени данного момента (лит.-орфограф. *џилаѣтган*) имеет форму: *кѣлѣткѣн* 'делающий', *бѣрѣткѣн* 'идущий', *џилѣткѣн* 'работающий', *ѣѣзуткѣн* 'пишущий'.

23. Деепричастие прошедшего времени (лит.-орфограф. *ѣзиб*): *џилѣп* 'поработав', *ѣкѣп* 'засеяв', *болѣп* 'будучи', *олѣџрѣп* [ ѣ о(л)тѣрѣп 'сев', *сѣѣџнѣп* 'обрадовавшись'.

\* \* \*

Мы дали перечень некоторых наиболее характерных особенностей наманганского говора узбекского языка. Даже самого поверхностного сопоставления перечисленных нами фактов с нормами литературного узбекского языка достаточно для суждения о наманганском говоре как об особой диалектной единице, отличающейся от установившегося литературного узбекского языка. Детальное изучение особенностей наманганского говора имеет большое значение как для узбекской диалектологии, так и для истории узбекского языка. Нужно полагать, что изучение его в сравнительно-историческом плане, прежде всего в сравнении с ташкентским говором и уйгурским языком, прольет свет на многие общие языковые явления и позволит более четко определить первоисточник, некогда легший в основу данной группы говоров.